

кашмирскими шалями. Подлѣ нихъ стояли хрустальныя вазы въ полъ-сажени каждая, полныя различнымъ вареньемъ, съ большими деревянными ложками. Около этихъ вазъ было навалено множество всевозможной формы бутылокъ, которымъ, для быстроты, отбивали горлышки. Нѣкоторые солдаты снимали свои лохматые шапки и надѣли московскія и всѣ были болѣе или менѣе пьяны. Сложивши свое оружіе, они отбывали службу со своими суповыми ложками и не пропускали никого, кто отказывался пить съ ними“. Грабежъ былъ наконецъ официально запрещенъ, но тѣмъ не менѣе онъ продолжался; несмотря на приказы, уходили цѣлыя роты, батальоны, съ которыми грабили сами офицеры. Это называлось у нихъ „aller à la maraude“. Запрещеніе отлучаться повторялось, но совершенно бесполезно. Тогда стали развѣшивать по городу строжайшіе приказы съ угрозами разстрѣливать ослушниковъ — это возымѣло свое дѣйствіе.

Наполеонъ на ночлегѣ въ Успенскомъ соборѣ.
Съ картины В. В. Верещагина.

Наконецъ, противъ грабителей ополчились русскіе, оставшіеся въ Москвѣ, и погреба и подвалы, пруды, колодцы дѣлались могилами непріятелей. По разсказу одного воспитанника духовнаго училища, „онъ прислуживалъ въ домѣ на окраинѣ города, гдѣ жилъ отрядъ непріятельскихъ гусаръ. Разъ вечеромъ онъ замѣтилъ, что кто-то, то пригибаясь, то приподнимаясь, смотрѣлъ въ освѣщенныя окна. Онъ окликнулъ и спросилъ: „Что ты высматриваешь?“ Незнакомецъ отскочилъ отъ окна, подошелъ и, узнавъ объ горькой участи семьи малаго, отвелъ его въ глубь сада, гдѣ показалъ подъ сермягою казачій мундиръ. Онъ разспросилъ мальчика, сколько живетъ въ домѣ гусаръ, въ которой комнатѣ они спятъ, гдѣ хранится у нихъ оружіе, гдѣ стоятъ лошади и пригрозилъ не болтать. Черезъ день суматоха раннимъ утромъ разбудила мальчика — гусары были всѣ перебиты“.

Это было несомнѣнно однимъ изъ дѣлъ штабсъ-капитана 3-й легкой роты 11-й артиллерійской бригады Александра Самойловича Фигнера, кавалера ордена св. Георгія 4-й степени, который онъ получилъ въ 1810 г. при штурмѣ Рушюка, за измѣреніе рва. Ненавидя отъ всей души Наполеона, Фигнеръ готовился на смерть; каждый день ходилъ онъ въ церковь, молился и плакалъ. По вступленіи французовъ въ Москву, Фигнеръ, съ разрѣшенія кн. Кутузова, отправился въ столицу; вооруживъ нѣсколько жителей, онъ дѣлалъ засады на улицахъ, истреблялъ ночью французскихъ солдатъ, а днемъ, переодѣтый то во фракъ, то купцомъ, спокойно бродилъ по Москвѣ, вмѣшиваясь въ отряды французскихъ солдатъ и вывѣдывая отъ нихъ, что было ему нужно. По порученію Кутузова, онъ перемѣнилъ мѣсто своихъ дѣйствій и отправился въ тылъ французской арміи. Изъ охотниковъ и отсталыхъ солдатъ Фигнеръ составилъ партизанскій отрядъ, посадилъ ихъ на крестьянскихъ лошадей, на день пряталъ въ лѣсу, а самъ, переодѣтый польскимъ или итальянскимъ